

ALLAN CHESTER JOHNSON—Roman Egypt to the reign of Diocletian.
Baltimore, 1936.

Книга Джонсона представляет второй том издаваемого Тенней Франком труда «An economic survey of ancient Rome».

Книга содержит пять глав: 1—«Страна», 2—«Население», 3—«Промышленность и торговля», 4—«Налоги», 5—«Разное». По всем разделам автор дает сжатые очерки, подкрепляемые документами—почти исключительно папирусами, занимающими, примерно, две трети объемистого тома в 733 страницы. Все документы (всего 445) даны в английском переводе. Важно и особенно ценно то, что по большинству затрагиваемых тем Джонсон приводит не только документальные иллюстрации, но и сводку всех относящихся сюда источников. Таким образом, книга дает исследователю незаменимое справочное пособие при изучении экономики Египта в римскую эпоху.

Так, стр. 83—105 содержат расположенный хронологически перечень и описание всех источников, касающихся сдачи земли в аренду; такой же перечень источников о продаже и закладе земли дан на стр. 150—157. О продаже и сдаче в аренду домов источники даны на стр. 257—265. На стр. 274—281 перечислены все сообщаемые источниками сведения о продаже и отпуске на волю рабов. Очень важны данные о стоимости разных товаров и рабочей силы (стр. 306—326, 469—475). Сводка налогов, сборов и пошлин дана на стр. 507—521, 537—550, 557—581. Кроме того, множество ссылок на сводные данные имеется в самих очерках и в комментариях к папирусам.

Краткие очерки по отдельным вопросам экономики Римского Египта представляют собою обобщения на основе проработки значительного—в некоторых случаях исчерпывающего—материала. Особенно ценна попытка автора дать сводный обзор денежного обращения в Египте (стр. 425—445).

Однако представления об экономической жизни Египта книга Джонсона не дает: Автор рабски подчиняется своему материалу, который он разрабатывает чисто-эмпирически. За этой подчеркиваемой «объективностью» скрывается беспомощность автора, неумение видеть движение общественного процесса. Остается непонятным даже, чем руководствовался автор, установив для своего труда хронологические рамки от Августа до Диоклетиана. Он с таким же успехом мог бы взять период от Александра Македонского до Юстиниана; в этом случае получилось бы больше материала, изменились бы итоговые и средние цифры, но и только. Отрыв экономики от политики, свойственный буржуазным исследователям, делает работу Джонсона безжизненной и неисторичной. Ему, конечно, невдомек, что общество—совокупность производственных отношений. Поэтому он не мог дать полнокровную картину экономических отношений, а лишь механическое соединение эмпирических сводок по отдельным явлениям экономики.

Эта ограниченность Джонсона сказывается и в выборе и в трактовке материала. Так, в главе о классификации земель он сваливает в одну кучу разные системы деления—по принципу собственности (ἡ δῆμοςια, βασιλική, ἱερατική, οὐσιακή, ἰδιόκτητος), по характеру владения (ἐν δόρεϊ), по принципу обложения (ἐπιλόγος), по природным свойствам (λιμνική). При этом он не пытается установить соотношение между разными видами земельной собственности и совершенно не касается вопроса о происхождении всех этих видов собственности, их истории и их судьбе.

В предисловии автор отмечает бегство крестьян с земли, «объясняя» это явление тягой крестьян к прелестям городской жизни и, «может быть», ростом налогов. Но в самой книге Джонсон этой темы почти не касается и приводит лишь эдикт Семпрония Либералия и случайное упоминание о раскладке недоимок сбежавших крестьян и ремесленников на оставшихся их товарищей. Между тем, о бегстве крестьян и литургов имеется довольно много документов, но автор не считает нужным их перечислить.

Упомянув вскользь о принудительной аренде земли, Джонсон в тексте не приводит материалов об этом; его мало интересует ἐπιβολή, натуральные повинности вовсе

не затронуты в книге. Литургиям отведено несколько страниц, причем приведенный материал касается преимущественно формальных процедур, а не существа дела.

Пренебрежение материалом, могущим осветить классовую борьбу в Египте, не случайно; здесь сказывается боязнь примешать политику к экономике; эта «аполитичность» является выражением буржуазных политических воззрений автора, классовый интерес которого заставляет его смазывать историю классовой борьбы угнетенных против эксплуататоров.

В результате экономика Египта в изображении Джонсона оказывается в течение трех веков совершенно неподвижной. Отмечается лишь некоторое колебание цен, да и то Джонсон отказывается найти здесь какую-либо закономерность; ссылается он при этом на отсутствие документов, притом именно египетских документов. Дело в том, что Джонсон исходит из неправильной предпосылки о полной экономической изоляции Египта в системе Римской империи. Поэтому он не позволяет себе привлекать неегипетский материал для объяснения того или иного явления экономики Египта. Такая осторожность отнюдь не делает чести автору, свидетельствуя об ограниченности его кругозора.

Как известно, «три рычага», «сводившие все к одному уровню», действовали в Египте с меньшей силой, чем в других римских провинциях. Правда, Египет упорнее других провинций сопротивлялся нивелирующей силе Рима; с конца II в. он является ареной почти не прекращающихся восстаний. В III в. Египет несколько раз отпадает от Рима, провозглашая собственных императоров. Восстания подавлялись с чрезвычайной жестокостью; после одного такого восстания (296 г.) пришлось ограничить вывоз хлеба из разоренного Египта, хотя от египетского хлеба зависело снабжение столицы и армии. Однако местные особенности развития той или иной провинции не нарушали общего для всей империи процесса разложения «античных мировых порядков». Но ни нивелирующая сила Рима, ни сила сопротивления Египта не нашли отражения в «экономическом обзоре» Джонсона. Он от этих вопросов просто отмахивается.

Приведя (под № 148) документ (PSI, 102) об уменьшении населения в Дамаске (Мендес), Джонсон, ссылаясь на Par. RyI., II, p. 291, заключает, что это было случайное явление, и «просперити» скоро вернулось. Но характерно, что в данном случае ссылки даны только еще на четыре таких документа, тогда как сообщения о катастрофическом падении численности населения¹ говорят о систематическом характере этого явления. Можно указать на SB, 7462; SB, 4284; BGU, 902; PSI, 105; Par. Оху., IV, 705 и др.

Отмечая наличие свидетельств об упадке городов в северной части Файюма, Джонсон «осторожно» пишет: «Остается еще решить, был ли этот упадок всеобщим и в какой мере его следует приписать недостаточности разливов Нила или запущенности системы ирригации» (стр. VI). Других причин Джонсон не ищет и не видит. Мы знаем, что «всеобщее обеднение, ухудшение путей сообщения и сношений, упадок ремесла, искусства, уменьшение населения, упадок городов, возвращение земледелия на низшую ступень—таков был конечный результат римского мирового господства»². Но этой стороны вопроса Джонсон совершенно не затрагивает. Римское мировое господство, римский порядок, который был «хуже злейшего беспорядка», лежит вне сферы внимания Джонсона.

При всем том собранные в книге Джонсона документы и, особенно, сводки представляют ценный материал для исследователя экономики не только Египта, но и Римской империи в целом.

А. Ранович

¹ См. А. Ранович—Первоисточники по истории раннего христианства, стр. 37, № 14—16. В частности, согласно № 14 (BGU, III, 902), число налогоплательщиков упало с 85 до 2.

² Энгельс—Происхождение семьи..., Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 105.